

И снова о каллиграфии

Яреци Фернандез

С погодой творилось что-то непонятное. Будто кто-то доигрался, дергая за погодный рычаг на Яндексе. Дни становились короче, а ночи длиннее - это не поменялось, а вот дождь и снег сменяли друг друга с пугающей регулярностью. В один день дождь и снег могли раза четыре сменить друг друга, а еще могло выглянуть солнце. Такая погода не радовала никого, даже Яреци, которая к дождю всегда относилась положительно. Люди были озлобленными, нервными и обиженными. Никому ничего не хотелось, все ругались. И прогнозы не сулили ничего хорошего. Это было неприятно.

Яреци стояла около окна. В руках была кружка с горячим шоколадом, сваренным несколько минут назад. Взгляд скользил за дождевыми каплями и перебегал с одной капли на другую. В голове были разные мысли, в душе разыгралась целая буря эмоций. Уже несколько ночей подряд ей снился один и тот же неприятный сон, после которого она просыпалась со слезами на глазах и в поту. По пробуждению она не помнила, что ей снилось, но оставалось какое-то неприятное и непонятное чувство. Она боялась, что может не успеть сделать что-то важное.

Несколько дней она пребывала в странном и подавленном состоянии. А потом, посмотрев на сложенный в тумбочке тессен, она будто бы ощутила, как по телу пронёсся разряд тока. Ей казалось, что этот предмет связан с событиями сна. С прорицаниями она имела дело лишь дважды, она не думала, что ей нужна эта способность, но была уверена, что всё, что ей снится сейчас имеет непосредственное отношение к этой способности. Вот только бы понять, что снится...

Она смотрела за каплями дождя и пыталась успокоиться и привести свои мысли в хоть какой-то порядок. Нужно чем-то заняться, впереди сессия, потом будут каникулы, и она вернётся в монастырь. На время каникул. Чтобы отдать мистеру Мотидзуки деньги. Она заработала пока только половину суммы, но во время сессии будет работать интенсивнее. А папа ей купил билет на самолёт с открытой датой. Это и тревожило. Нужно успокоиться. Наверное эти сны снятся из-за усталости и перенапряжения. Надо перестать думать о монастыре, о долге, и чем-нибудь заняться.

Махать тессеном в квартире ей казалось неправильным, и она, отпив шоколад, на поверхности которого стала образовываться противная пенка, проследила взглядом за очередной каплей и посмотрела на лежащее на подоконнике объявление о наборе в школу каллиграфии. Точно, она же забыла сделать домашнее задание. Уже был один урок, ей он понравился, она вспомнила, как когда-то давно хотела обучиться этому искусству. Это было так давно, что она уже и не помнила. Всё, что она помнила связанное с монастырем - это несколько занятий и многочисленные встречи с мистером Мотидзуки, в которого она умудрилась влюбиться. Или привязаться.

Глубоко вздохнув и мотнув головой, будто это могло помочь избавиться от

назойливых мыслей, она прошла в свою комнату и села за стол. Взяла кисть из набора, положила перед собой несколько листов и стала рисовать горизонтальную линию, стараясь не думать ни о чём, что не касается этого искусства...

Яреци Фернандез

Нарисовав три строчки, она остановилась и посмотрела на свою работу. Она была выполнена качественно и ровно, все элементы казались идентичными, и она улыбнулась. Потом открыла небольшой дидактический материал, который выдали в этом центре, и стала изучать его содержимое. Много теории, но ведь она тоже нужна, и на какое-то время девушка погрузилась в чтение. Дыхание было размеренное и неглубокое, сознание очищенное, и на какое-то время девушка даже перестала думать о снах, тревожащих её сознание.

В теории было написано, какие виды кистей бывают, как правильно держать кисть, на каком виде бумаги лучше всего рисовать. Всё это девушка знала ещё до попадания на курсы, кроме бумаги. В монастыре была в основном рисовая бумага, а здесь такой найти не удалось. Но учитель рассказал, какую марку бумаги лучше использовать.

Теория не заняла много времени, и девушка перешла к практике. Домашним заданием было научиться писать несколько ключей, заключённых в одну группу. Девушка положила образец перед собой и, снова сосредоточившись и откинув из головы посторонние мысли, начала старательно выводить ключи. Для полного понимания процесса надо было написать их хотя бы десять раз, но девушка писала каждый ключ столько, сколько ей требовалось для того, чтобы мышечная память это запомнила. Она знала, что профессионалы могут писать иероглифы и разговаривать, не отвлекаясь на процесс. Она хотела этому научиться. По крайней мере, это хоть как-то позволяет не думать ни о грядущей сессии, ни о снах.

Яреци Фернандез

Начала уставать рука. Заныло плечо, мышцы будто налились свинцом, появилась дрожь в руке. Девушка дописала последний иероглиф и отложила кисть. Повела плечами и помахала рукой, пытаясь избавиться от этого неприятного чувства и состояния. Странно, она вроде делала всё так, как надо, может всё-таки она делала что-то не так? С грустью она вспомнила слова наставницы, когда та говорила, что она слишком требовательна к себе, и надо быть проще. Так говорил и Макс, когда как-то звал её гулять, а она заканчивала работу, тщательно прорисовывая каждую линию. Она всегда так делала, когда понимала или знала, что у неё что-то не получается. Не из-за того, что она хотела быть лучшей, чтобы хвастаться, а, наверное, из-за того, чтобы знать и уметь. Она даже к недавней работе с тессеном, гуляя в парке под дождём, относилась со всей присущей к себе требовательностью, хотя так и не могла дать ответ на вопрос - зачем, собственно, она его купила...

И снова назойливые мысли, будто стадо червей, полезло в её сознание, и она закрыла глаза. Откинулась на спинку стула и постаралась расслабиться, чтобы начать медитировать, избавляя свою голову от мыслей. Вот только никак не удавалось успокоиться. Перед глазами снова появлялись какие-то видения, по телу прошёлся холодок, на лбу выступил пот. Она открыла глаза и глубоко и часто задышала. Почему её преследуют эти кошмары, после которых становится так

тяжело на душе? Почему после этого в голове крутится одно имя?

Она протёрла лицо руками и вышла из комнаты. Умылась и взяла кружку с остывшим и невкусным шоколадом. Снова посмотрела на дождевые капли и вздохнула. Как бы то ни было, надо возвращаться к занятию и очищать свой разум. О всяких дурацких снах можно подумать потом. Сейчас надо заниматься каллиграфией, так как ей показалось, что во время вдумчивого вырисовывания символов она действительно ни о чём не думает. Надо просто сесть правильно и расслабиться. И тогда не будут болеть руки...

Яреци Фернандез

С написанием ключей всё было в порядке, рука не уставала, мысли не путались в голове, каждый ключ она мысленно проговаривала про себя, запоминая и значение, и перевод. Но этих ключей было так много, что она, отвлёкшись на секунду от написания оных, сразу засомневалась, что когда-нибудь сможет их выучить. Откинув сомнения, она снова обмакнула кисть в тушь, провела по ребру тушечницы, удаляя излишки, и продолжила вырисовывать эти ключи, стараясь всё запомнить.

И всё было хорошо, пока её не отвлекли родители, которые вернулись домой. Рука дрогнула, слишком удлинив откидную влево, и девушка разозлилась. Но прикрыла глаза и вздохнула. Отложила кисточку и вышла из комнаты. Родители раздевались, и она улыбнулась. С ними она виделась не так, чтобы часто - рано утром она уезжала в институт, возвращалась поздно, особенно когда работала, а по выходным или праздникам, если семья собиралась вместе, они сидели в гостиной и играли в настольные игры. Или читали. Или устраивали дискуссии. Они не лезли в её жизнь, не спрашивали о многом, и они не видели портрет мистера Мотидзуки, который висел в гостиной, так как вернулись из Испании уже после того, как она избавилась от него. Она не знала, что будет им рассказывать, если они спросят о нём, и надеялась, что они не узнают ни о нём, ни о её чувствах к нему. Потому что папа будет недоволен.

Родители пришли ненадолго - у них было какое-то мероприятие, и девушка поцеловала их и закрыла за ними дверь. Вернулась снова к написанию этих ключей. Поймала себя на мысли, что это занятие не является пыткой для неё. Ей это нравилось, она втянулась в процесс, и было интересно, что же из этого получится. И снова в голове не было никаких мыслей, рука плавно скользила по бумаге, оставляя за собой иероглифы. Закончив ещё с одной порцией ключей, девушка перешла к следующей комбинации ключей, стараясь запомнить не только написание, но и значение с названием. И надеялась, что завтра она сможет написать все выученные иероглифы. Она должна сделать это...

Три часа занятия пролетели как один миг. Убрав рабочую поверхность, закрыв баночку с тушью и помыв кисточки, она почувствовала сильную усталость и решила лечь спать, не дожидаясь возвращения родителей. Настроение было замечательное, когда она засыпала.

Яреци Фернандез

Весь день она думала о снах, будоражащих её душу и сознание. Она снова не запомнила по пробуждению всего, что ей снилось, только вспоминала слабые

очертания гор. На занятиях она старалась сосредоточиться, она пыталась с кем-то общаться, она хотела отвлечься от снов, но воспоминания и какие-то отдельные картинки всё возвращались и возвращались. Все кусочки этого жуткого сна, длящегося уже почти полторы недели, постепенно собирались в одну картинку, и девушка с ужасом поняла, сложив последний кусочек, что человек на горе - это мистер Мотидзуки. Он тренировался, чем-то махал, но оступился. И всё, больше ничего не было, только пустота или повторение этого. Ей снилось, что мистер Мотидзуки получает травму во время тренировки с каким-то оружием.

Она вернулась домой раньше обычного. Папа был дома, он странно на неё посмотрел, что-то у неё спросил, но она ушла в свою комнату. Посмотрела на набор для каллиграфии и села за стол. Нужно очистить свой разум, надо постараться настроиться на работу с написанием иероглифов. Надо забыть об этом. Ведь с ним ничего не может случиться. Он ведь не может неудачно оступиться. Только не он. Она помнила, как он уверенно двигался и на своих мастер-классах, показывая приёмы, вспомнила, как он показывал ей упражнения с тессеном у дуба. Он просто не может оступиться.

Она начала срисовывать иероглифы, сложенные в какое-то стихотворение, показанное как образец в методичке, стараясь думать о том, как сидит, как дышит, как очищает свой разум и душу. Иногда получалось, но в какие-то очень нехорошие моменты плохие мысли проникали в голову, заставляя паниковать. Но она боролась с паникой, когда ей это удавалось, то иероглифы становились ровными и правильными, но это длилось не так долго. И вскоре она с досадой откинула кисть и спрятала лицо в ладони.

Её судорожный всхлип услышал папа, он вошёл в комнату и положил руку на её плечо. Сжал с ободряющим жестом. Далее последовал долгий и тяжёлый разговор. Она рассказала, что ей тревожат сны, что мистер Мотидзуки получает травму во время работы с оружием, и ему никто не помогает. Она сказала, что хочет полететь в Китай, найти его, помочь ему. Папа ответил категоричным отказом, а когда услышал, что она влюблена в человека не только другой национальности и вероисповедания (с этим можно смириться), который намного старше ее, то не сдержался и залепил ей пощёчину, сказав, что она никуда не поедет. Он рассказал об этом ужасе маме, и та хотела её утешить. Яреци огрызнулась на её попытки утешения и сбежала из дома. Она написала сообщение, что улетаёт в Китай. Мама поверила ей и хотела перевести на карту немного денег, но папа запретил это делать, сказав, что отныне это только её проблемы и помогать он ей не будет.

... Яреци приобрела билет до Пекина на все заработанные деньги, которые хотела вернуть мистеру Мотидзуки. Она не знала, правильно ли поступает, простит ли её когда-нибудь папа за такой поступок, смогут ли её восстановить в институте, если она вообще туда вернётся. Но эти страшные сны и осознание того, что с человеком, которого она полюбила, может что-то случиться, что-то страшное, заставило ее совершать необдуманные поступки. Теперь она знает ответ на вопрос - на что готов пойти человек ради любимого?
